

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

АНАТОЛИЙ БУЛЕВ

ЧЕЛОВЕК С УЛИЦЫ

ДОЛБД - МИХАЙЛИКА

рассказ-быль

БУЛЕВ Анатолий Кузьмич, 1925 г.р., участник ВОВ, закончил войну в звании младшего лейтенанта. В 1952 г., будучи студентом 5-го курса ЛГУ, был арестован и в течение длительного времени - с небольшими перерывами - находился на принудительном лечении в психбольницах.

Освобожден 24 июня 1988 г. из Тамбовской психбольницы.

Разыскивая нужную улицу в столице одной из республик, я совершенно случайно оказался перед табличкой "ул. Дольд-Михайлика". Искал я другую улицу и потому прошел мимо, но мысли мои табличка повернула совсем в другую сторону. Она всколыхнула — по какой-то не прямой ассоциации — память о прошлом, о встречах с людьми, далекими от этого города и от этой улицы, и от того же Дольд-Михайлика. Впрочем, Дольд-Михайлик был сопричастен к одному из них, и потому-то его имя напомнило мне о нем, о человеку необычном, во многом загадочном и во всяком случае любопытном. Он — капитан Долгов (я знаю его под таким именем) — прочно запечатлелся в моей памяти, хотя встреча наша оказалась мимолетна, произошла в условиях из ряду вон необычных, и мы остались людьми, посторонними друг другу. Позже я не раз вспоминал и думал о нем, уже потому, что множество других — и совсем разных — людей судачили о нем вквивь и вкось, не зная ничего достоверного. А потому стоит, думаю, рассказать — по порядку — о нем все известное мне. Но сначала несколько слов о себе и о месте встречи.

После войны и фронта в Ленинградском университете я оказался в сфере так называемого "ленинградского дела", когда оно опустилось с высот карания высокопоставленных лиц до репрессированных обычных смертных — профессоров, преподавателей, студентов. Оно втянуло меня, а когда я — при всей своей молодости и наивности — попытался протестовать, отстаивая справедливость ни в чем не виновных людей, то в 1952 году оказался в "Большом доме" на Литейном... Так я попал на Арсенальную, в почтовый ящик "спеца", в тюремную психиатрическую больницу. История для тех лет, как сегодня всем известно, довольно обычная.

Мне повезло — меня определили на 8-е — "рабочее" — отделение. Камеры там днем были открыты, можно было работать в мастерских и по двору, то есть — общаться с множеством других заключенных.

Признаюсь — меня ошеломили личности и судьбы тех, в чей круг меня загнали. Говорю не о множестве действительно тяжело и опасно больных людей, которые составляли большинство, а о том довольно многочисленном меньшинстве, которые оказались на

Арсенальной примерно таким же путем, как и я. "Психушка" сконцентрировала в себе с огромной территории очень интересных, нередко — незаурядных людей, встретить которых в обычном общении можно лишь изредка или просто невозможно. Большое количество старших офицеров (по "жуковскому делу"), включая личного адъютанта маршала и генерал-лейтенанта Варенникова (позже — после смерти Сталина — его освободили из психиатрической больницы и назначили командовать Прикарпатским военным округом). Бывший князь Ухтомский. На редкость — изумительнейше! — кроткий и смирный "бабушка" из глухого села за Вологдой. Сынки замминистра и полковника из аппарата московского КГБ (последний, кстати, из родственников Пушкина, из графов Бобринцевых-Пушкиных). Видный работник Госплана. Режиссер фильмов "Пугачев" и "Салават Юлаев". Чемпион Калифорнии по боксу Мальцев. Автор знаменитого марша "Все выше, и выше, и выше..." Хайт. Брат председателя компартии Израиля тех лет. И много, много других...

Общение с такими людьми заставляло меня — школяра из провинциалов — тянуться выше и думать, да и само по себе было крайне интересно. Тем более, что там было немало столь же молодых, как и я сам, людей, и потому я не чувствовал себя совсем уж одиноким и чужим. Тюрьма есть тюрьма, люди не ходят там с душами и сердцами нараспашку — смерть постоянно висела над головой у каждого из нас! — но о других, а не о себе, там говорят охотно, вдумчиво, с глубоким анализом личности, и выводы обычно достоверны. Особенно в таком кругу, какой оказался на Арсенальной.

Слова о смерти, висящей над нами, могут показаться преувеличением. Вовсе нет. Такова была обыденная проза повседневной жизни заключенных-политиков в сталинских застенках, где их концентрировали. Суть дела здесь даже не в смерти того, другого, десятого заключенного. Она в том, что в таких местах всегда была и — рано или поздно — обязательно наступала опасность уничтожения всех нас разом и оптом. Как это практиковалось, к примеру, с командами "Канада" и Освенциме и много раз в Советском Союзе.

Приведу пример.

После смерти Сталина за месяц до переворота, закончившегося казнью Берии и его банды убийц, на Арсенальную явилась пара полковников из его аппарата. Мы — естественно — не знали

о них. В камере нас было человек двадцать. И в этот день наши камеры не открыли. Днем неожиданно дверь открылась, и в камеру вошел — без сопровождающих! один! — полковник. Случай сам по себе сверхординарный.

Уже по покрою стандартной шинели было ясно, что этот — из высших сфер. Такая мысль мелькнула и тут же исчезла — не до размышлений стало... Взглянув ему в лицо — лицо специалиста массовых убийств, что было видно и ясно с первого взгляда! — я окаменел. Да! Окаменел, хотя во мне не было ни страха, ни ужаса, ни шока...

Полковник прошел по тесному проходу между койками в середину камеры. Остановился. Он не сказал ни слова и ни на кого не взглянул. Он стоял молча, глядя в пространство перед собой, чуть-чуть вверх... Постояв минуты две-три, он повернулся и неторопливо — не обращая на нас никакого внимания — вышел. Дверь закрылась. Позже мы узнали, что то же самое повторялось и в некоторых других камерах. Точно так же, как произошло у нас.

В камере — с момента входа полковника — наступила полная тишина. Она тут же превратилась в гробовую, в могильную... Никто не шевелился — тоже окаменели! После его ухода указанное состояние людей (не берусь объяснять его — у меня и близких мне товарищей это не был страх. Что-то иное...) продолжалось еще минут пять. Лишь потом мы стали вполголоса, негромко обмениваться мнениями, а еще позже — толковать и обсуждать происшедшее.

Абсолютно все сказали, что все время пребывания полковника в камере единственной мыслью в них было — "В о т о н а — н а ш а с м е р т ь !". Все лицезрели ее воочию. Потому — наверное — окаменели...

Такой случай и для "спеца" — необычный. Однако для террористических государств — закономерный. Лично для меня несомненно, что Берия планировал скорейшее истребление заключенных в особенно odioзных местах, включая ленинградский "спец". Для подготовки такой акции и были, очевидно, направлены на Арсенальную специалисты таких "дел". Продержись Берия еще месяца три-полгода, читатель не увидел бы моего рассказа.

Смерть, повторяю, стояла перед нами воочию, зримо. Да

что там мы — перед старым священником из вологодской глухомани, где люди, вероятно, совсем не думали о политике. Я ни разу не говорил с ним, но сейчас — когда я пишу о нем — он, как живой, встает передо мной. Я вижу его при "обходе", на каждом из которых повторялось одно и то же. Престарелый, кроткий, белый как лунь христианин — явно не понимающий за что его мучают! — с искренностью невинности молил с доверчивостью ребенка: "Доктор! Когда меня отпустят домой?". Я вижу, как неловко и стыдно было врачу-чекисту говорить в ответ слова пустых и ничего не значащих фраз. Не знаю — каким путем этот добрый человек и пастырь простых душ попал на "спец". Хочется думать, что даже в бесчеловечных лагерных насильниках при соприкосновении с чистой душой истинного христианина всплыло — откуда-то из детства — что-то человеческое, что им стало стыдно терзать такое человеческое существо, и они отправили его в больницу — в надежде на то, что врачи сделают еще один шаг, отправят домой! Но он сидел с нами. Он тоже смотрел на бериевского полковника, вовсе не видящего его... Тем, кто проводит "селекции" в лагерях смерти, недосуг всматриваться в людей. Их "дело" несовместимо с таким интересом...

Эти замечания выходят за рамки нашего рассказа, к Долгову не относятся, но, надеюсь, читатель не посетует на них. Должен же он увидеть хоть краешек "спецов", созданных коммунистами!..

В один из дней конца лета 1953 года к нам по какой-то надобности привели с 7-го — закрытого — отделения трех "зэков".

Каждый "новый" человек — событие в тюрьме, и я тоже подошел присмотреться, а может быть, и познакомиться с ними. Мое внимание привлек один из них, о котором я ничего до того не знал и с которым заговорили, как со знакомым, близкие мне товарищи.

Передо мной был человек чуть ниже среднего роста, шатен, с астенически-утонченным, но вовсе не слабым телосложением. Изящный, но не миниатюрный. С аккуратнейше уложенной волнистой темно-русой прической и небольшими чистенькими кистями рук — явно никогда не знавших физического труда. Разговаривал он негромко, не торопясь, очень сдержанно и вежливо, чрезвычайно корректно, определенно и без пустых слов. И вообще, держал себя — умел держать! — так, что между ним и себе-

седниками всегда было пространство. В самом буквальном смысле — физическое.

Достаточно было присмотреться несколько минут, и становилось ясно, что перед тобой интеллеktуал высокого порядка, знающий цену себе, умеющий поддерживать свой достоинство, короче — не простой интеллигент, а рафинированный. Притом, если и не аристократ духа, то уж аристократ как таковой — несомненно. Такие люди могут не привлекать к себе взгляда постороннего человека, но, обратив на него внимание, нельзя не заинтересоваться им. Заинтересовался и я. Оказалось — мои знакомые пришли с ним одним этапом из Лубянки, из тюрьмы КГБ. Их он тоже, и еще больше и раньше, чем меня, интересовал. И потому я услышал от них немало сведений о нем. Все сведения исходили от самого Долгова. Других источников информации о нем у нас не было. Однако основные факты его жизни подтверждались со стороны тюремной администрации и ее обхождением с ним. А позже — были подтверждены Дольд-Михайликом, который явно опирался на официальные документы, предоставленные ему в КГБ. Так что основа слов Долгова о себе была очевидно, фактически верна. Хотя толкование слов и то, что в действительности могло стоять за ними — многовариантно. Полной ясности в этом плане у меня по сей день нет.

Долгов действительно был аристократом. Притом — потомственным и многовековым! Не исключено и вполне вероятно, что фамилия "Долгов" у него не родовая, а всего лишь псевдоним, взятый или данный ему (а может быть, его отцу) в ВЧК-КГБ. Его предки с петровских времен из поколения в поколение состояли на службе в Генеральном штабе российской империи. Кончали они ее в генеральских чинах. Отец Долгова к революции имел чин полковника Генерального штаба русской армии.

В дни революции отец Долгова свернул с пути, по которому пошло большинство людей его круга. А после октябрьского переворота он — в числе первых "бывших" (таких, как Тужачевский, Самойло и др.) — пошел на службу к большевикам. Но и тут он поступил не так, как они. Сделал он это незаметно для своих бывших сослуживцев. (Для карьеры его сына данное обстоятельство приобрело решающее значение, ибо именно оно было обыграно чекистами при разработке "легенды" для Долгова-младшего).

Удивляться здесь нечему, дело тут не только в предусмотрительности и осторожности старшего Долгова, но в характере

его службы у большевиков. Из слов Долгова следовало, что его отец с самого начала служил в секретной разведке ВЧК-КГБ. Судя по всему — в аппарате ее штаба. О деталях его службы и эпизодах жизни отца Долгова ничего не говорил. Однако влияние службы отца на формирование личности и всю жизнь Долгова пояснений не требует.

К 1942 году нашему Долгову было 17 лет. Воспитанный в традициях семьи аристократов, он владел, в частности, английским, французским, немецким языками. Позже — в Италии — он овладел и итальянским.

Как именно он вошел в советскую разведку, как созрело решение заслать его к немцам и как его готовили к этому, Долгов не рассказывал. Думается, здесь была не только верная оценка и расчет чекистов, но и воля самого Долгова. Он, несомненно, вырос и руководствовался законами дворянского, а главное, староофицерского кодекса чести (как ни парадоксально это звучит в приложении к агенту коммунистической разведки!), и даже не ими, а скорее какими-то остатками правил жизни бояр, стольников, челяди древнерусских царей...

В 1942 году Долгов — в качестве лейтенанта Красной Армии — прибыл на Воронежский фронт. Фактически служба его в рядах Красной Армии являлась этапом заброски (с далеким прицелом) к немцам. Поэтому он вскоре и "перебежал" к фашистам.

Там он (благодаря специальной выучке) сумел добиться передачи его в ведение немецкой военной разведки — абвера — и только после этого выложил информацию о себе по заготовленной "легенде": сын полковника-аристократа царской армии, которого за заговор, якобы, расстреляли большевики, и так далее, и тому подобное.

Долгов очень заинтересовал, вполне понятно, офицеров абвера. Такие личности всегда крайне интересуют любые разведки. Поэтому его — после тщательной проверки в армейском абвере — отправили в Берлин, для специальных, самых глубоких проверок на усмотрение верхов абвера. Долгов и такие проверки прошел безукоризненно.

Решающими были очные ставки с бывшими сослуживцами отца по Генштабу царской армии. Те — не сомневающиеся в расстреле отца Долгова, но не уверенные в подлинности самого Долгова — проверяли его по знакомой им хронике семьи Долговых. Ее должен был знать сын, ее отчасти знали сослуживцы отца, но

не мог знать никто иной! Результат — понятен. А рекомендации бывших белогвардейцев оказались столь солидны, что немцы уверовали в смертельную ненависть Долгова к коммунистам...

Уверовав, они дали ему чин лейтенанта абвера и направили на Восточный фронт в немецкую (!) линейную дивизию вермахта, то есть — дали Долгову права и положение чистокровного немецкого офицера абвера.

— Такой случай для любой разведки — редкостный и исключительный. Во всяком случае, мне не известны другие случаи столь успешного проникновения советского разведчика на такой уровень иерархии фашистов.

Множество русских, украинцев, прибалтов, мусульман в годы войны стали служить немцам. Многие — добровольно, из ненависти к коммунистам. Но и такие — в громадном большинстве случаев служили в полициях, в отдельных карательных и национальных частях и соединениях вроде РОА, УОН, спецкомандах СД и так далее. Лишь немногие носили форму СС, но опять-таки в отдельных соединениях вроде дивизии СС "Таличчина", легионах прибалтов, мусульман и так далее. Лишь единичные допускались в аппарат системы Гиммлера, но — как временные вспомогательные орудия. В любом из случаев они оставались инородным телом в немецкой системе рейха. А вермахт — в особенности его абвер — оставался закрытым для немцев. Мне, повторяю, не известны случаи достижения русским разведчиком положения немецкого офицера абвера в сочетании со службой в секретном отделе штаба боевой немецкой дивизии, кроме случая с Долговым.

Для оценки величины успеха Долгова (агента КГБ) следует вспомнить, что прославляемый советский разведчик Кузнецов только маскировался формой немецкого офицера. На самом деле Кузнецов никогда в вермахте не служил и даже помыслить не мог о действительном проникновении на штатную должность в нем. Все свои сведения Кузнецов — надевая форму немецкого офицера — черпал из случайных, не служебных разговоров с немецкими офицерами. А его стрельба по генералам вообще не имела отношения к разведывательной деятельности! Таким образом, Кузнецов был не столько разведчиком, сколько простым лазутчиком и диверсантом. Как разведчик, он принадлежал к низшему звену тактических разведчиков-профессионалов. Ни-

как не больше того.

Кроме того нельзя забывать, что действия Кузнецова непосредственно обслуживали и обеспечивала целая специальная база с сотнями людей. Вся деятельность этого множества людей, весь этот вспомогательный аппарат был привязан к Кузнецову и функционировал только для него, на него. С учетом этого факта КЦД Кузнецова — как разведчика — весьма и весьма мал. Фигура его — нет слов — эффектна и красочна (для несведущих в разведке людей)! А вот эффективность его работы разведчика стоит на много порядков ниже деятельности такого разведчика, как Долгов.

Подойдя к оценке с другого конца — от разведчиков стратегического уровня, каким, например, был Зорге, следует отметить, что работа Долгова однотипна их деятельности, хотя "калибром" меньше. Но, но и но! В дни войны работа Зорге слишком уж далеко отстояла от полей сражений, где решалась судьба и рейха, и сталинского государства. Строго говоря из информации, добытой Зорге, прямо сработало лишь одно сообщение — об отказе Японии вступить в войну с Советским Союзом. Это сообщение было очень важным и сыграло, как известно, существенную роль для исхода битвы за Москву. Но было оно у Зорге одно, а для оценки Зорге как разведчика существенно, что — глядя назад! — ради одного этого сообщения Зорге (и КТБ) трудились все годы внедрения и работы Зорге разведчиком!.. КЦД и здесь, как видите, довольно низок. Так что привязывать конечную оценку разведчика только к "калибру" явно не следует.

Служа в секретном отделе штаба боевой немецкой дивизии на нашем фронте, Долгов не крал никаких документов и планов. Он не фотографировал и не переписывал их. Вряд ли он имел шифр и пользовался им. Он, конечно же, ничего не взрывал и не стрелял в немцев, заманивая их в темные уголки и при каждом удобном случае, каких у него было ^и сколько угодно. Он не вел никаких записей данных. Да и вообще работа в штабе у него была мелкая. Лейтенант особого отдела допрашивает планых, иногда — расстреливает некоторых из них. Вот и все.

Но был этот лейтенант все время в кругу старших немецких офицеров — руководящих и планирующих боевые действия сражающейся дивизии и координирующих ее действия с корпусом

и армиями, в составе фронта!!! Штаб дивизии — не штаб Ставки Гитлера и даже не штаб армии, а потому ВСЯ работа штаба шла на глазах лейтенанта абвера! Поэтому здесь и младший штабной офицер постоянно слышал такое, что и в сладком сне не грезилось Кузнецову, и чего не мог узнать никакой Зорге или Шульце-Бойзен с его "Красной капеллой".

Долгов сумел стать разведчиком оперативного уровня и масштаба и, мало того, сумел занять наивыгоднейший наблюдательный пункт для непрерывного получения ~~каждодневных~~ разведданных именно такого значения и качества. А в дни войны и решающих схваток армий такие сведения нужны прежде всего, больше всего! В такое время такие сведения — совершенно бесценны!

Здесь не выстрелы в отдельных генералов, которых немедленно заменяли другие, точно такие же... И не сообщения о военной потенции страны, которая, как выяснилось, в войну с СССР так и не вступила...

Долгов смотрел, слушал, произносил несколько слов, передающих суть замысла и место удара вермахта. Дело, со стороны глядя, — совсем простенькое и незамысловатое! Но эти слова сразу или очень быстро приходили в штабы Красной Армии и уже через несколько дней или полмесяца превращались в канонаду сотен орудий, в уничтожающие удары масс танков, в прицельный огонь — заранее изготовившихся! — десятков тысяч солдат. Каждое слово здесь же оборачивалось уничтожающими шквалами смерти для многих сотен и тысяч гитлеровских солдат и офицеров!

А Долгов — по-прежнему — допрашивал пленных, старательно заслуживал уважение старших по чину и главное — не совал нос туда, куда ему не полагалось... Стрельбой и диверсиями заниматься ему тоже было строгайше з а п р е щ е н о! А если он и стрелял, то — лишь в пленных коммунистов! Но это было, надо думать, не так уж часто. В конце концов он был офицером абвера, а такая "черная" работа — не для них.

Работа, повторяем, со стороны глядя — простенькая... Но в 21 год Долгов уже был награжден четырьмя орденами Ленина!

Сможет ли читатель назвать себе имя какого-нибудь другого младшего офицера Красной Армии, который получил бы в боях

с немцами столько и таких орденов?!... То-то и оно!

Это — невозможно, ибо других таких случаев просто нет, совсем не было.

Орден Ленина — высшая награда у коммунистов. Если Долгову дали четыре таких ордена, то здесь — не случайность, не плод счастливого стечения обстоятельств, а реальные и очень большие — огромные — потери вермахта на нашем фронте! Не будь Долгов аристократом по происхождению, его, надо думать, не обошли бы и золотыми звездами Героя!...

Как тут не вспомнить, что и Зорге с Кузнецовым были удостоены их лишь посмертно, а не тогда, когда сделали свое дело...

В 1944 году дивизию Долгова перевели во Францию — для отдыха и преемления действий "маки". К началу 1945 года ее перебросили в Северную Италию. Там Долгова застал конец войны.

О причине, времени и обстоятельствах своего возвращения Долгов ничего не говорил. Но мы знали, что к 1950 году он уже не один год служил в Москве, в Главном разведывательном управлении, в личном аппарате самого Абакумова.

Нет-нет! Речь идет не о боссе ГУЛАГа, а о шефе советской разведки. Личность — то одна и та же, но ипостаси у нее — две. И Долгов имел дело только со второй.

Что такое являл собой в те годы Абакумов — сегодня всем ведомо... А Долгов имел прямой доступ к нему!!!

Вот почему его ничтожный чин капитана в данном случае мог только обманывать посторонних. Тем более, что за пределами Главного управления разведки о Долгове никто и ничего не знал.

Можно смело сказать, что случись невероятное событие — узнай о положении Долгова любой из армейских генералов — при встрече с Долговым у них наверняка ощутилось бы непреодолимое побуждение вытянуться перед таким капитаном в струнку или даже лакейски залебезить... Генералов-то ведь много, а входих к Берии или Абакумову — единицы!...

Ну а то, что жизнь генерала или маршала в сталинские годы зависела от прихоти Сталина, от единого слова Берии, Абакумова и тех, кто имел к ним доступ, все генералы знали еще тогда! В деспотиях — самые высокие чины ничего не стоят и не значат в реальной иерархии деспота! Их трудно приобрести, а потерять можно безо всякой причины и вместе с головой...

С того же генерала Варенникова, заслуженного воина высшего порядка, бывшего начальника штаба Сталинградского фронта, — когда его привезли на Лубянку во всем блеске генеральской мишуры и множества честных высших боевых орденов, — погоны и ордена сорвал — без всяких приговоров судов и трибуналов — всего-то сержантишко внутренних войск... И земля при этом не треснула, не покачнулась!..

Что делал Долгов в Главном управлении и был ли он доволен своим положением, нам осталось неизвестно. А наши пращеры недаром говаривали: "Близ царя — близ смерти!"... Во всяком случае нам было ясно, что Долгов пришелся по душе Абакумову, тот удостоил его личной доверенностью.

А с такой близостью для Долгова пробил его час, час слепого Рока, и он стал "зэком", оказался среди нас, на Арсенальной.

Сам Долгов говорил об этом в следующей версии:

Абакумов, демонстрируя или ощущая приязнь к Долгову, стал удостаивать молодого капитана разведывательного управления доверительных бесед с глазу на глаз. Беседы касались самых деликатных и сокровенных деталей состояния дел в верховном аппарате советской разведки. Наконец, в одной из таких бесед Абакумов упомянул, между прочим, некоего генерала (имени его Долгов не называл). В связи с неопределенными сомнениями в характере зарубежных дел у того! Попутно Абакумов высказал мнение, что работа штаба разведки несовместима с какими-либо сомнениями, а потому следовало бы выяснить действительное состояние дел у этого генерала, хотя это, конечно, очень нелегко во всех отношениях, так как для подозрения оснований нет, а значит расследование должно быть неофициальным и негласным, секретным и тайным...

Сказано это было между прочим, вскользь, без акцента и нажима, в виде предположения, гипотезы и без какого-либо намека...

Но профессионал-разведчик, а главное — аристократ, прекрасно понял Абакумова.

Абакумов не торопил Долгова, и тот имел время обдумать предложение Абакумова и свое положение в связи с ним. Об этом Долгов рассказывал нам, может быть, не всю, но весьма детально.

По мнению Долгова, Абакумову требовалось "убрать" этого генерала. Но у того было столь высокое положение в иерархии у Берии (или Сталина?), что и Абакумову сделать это прямо было никак нельзя. При дворе Сталина были свои "законы" для подобного истребления друг друга, и в данном случае Абакумову приходилось считаться с ними. Долгов понял, что Абакумову необходимо, чтобы на генерала поступил очень серьезный "материал", с фактами, видимо — достоверный, а главное — из "независимого" источника, от очень заслуженного работника советской разведки. Последнее, в конечном счете, и было решающим, раз уж факты нельзя было толковать однозначно. Он считал, что Абакумову нужно правдоподобное подметное письмо, убийственный дронс на генерала. Было Долгову ясно и то, что Абакумов избрал его, Долгова, но ни прямого приказа, ни даже определенного указания или намека он от Абакумова не получил.

Моральных проблем для Долгова нисколько не возникало. Да и могут ли они быть у профессионального шпиона и провокатора высокой пробы? Предложение Абакумова его ничуть не шокировало и не передергивало, не до моральных гримас ему было. Из слов Долгова явствовало, да он и не скрывал этого, что, взвешивая свое положение и принимая решение, он руководствовался тем, что в случае исполнения им желания Абакумова последует смерть генерала, но — после этого! — Абакумов, как считал Долгов, обязательно уберет и его, Долгова...

Вот это — последнее — обстоятельство никак не устраивало неглупого заслуженного работника чекистского аппарата! Только оно. Долгов не скрывал своего расчета.

Когда Абакумов снова удостоил Долгова приватной, доверительной встречи, он не получил желаемого. Долгов сделал вид, что буквально воспринял слова Абакумова, и... погрузился в бездну анализа и взвешивания меры вероятности и достоверности сомнений в отношении генерала, степени возможного и разумного доверия лицу такого ранга, необходимости для Долгова глубже вникнуть в суть действий генерала, и так далее, и тому подобное. Иначе говоря, нисколько не противореча Абакумову (что было равнозначно самоубийству) и всецело соглашаясь с ним (в словах и на словах!), Долгов начал рискованно-артистично и в полном сознании смертельной опасности затеи "тянуть резину". Он считал, что иного шанса остаться в живых

у него нет.

Абакумов терпеливо выслушал Долгова, согласился с его доводами, но заметил, что они не рассеяли его тревоги, и поэтому, сказал он, Долгову было бы хорошо еще раз и потлубже подумать об этом деликатном, важном и очень ответственном деле.

Следующая встреча прошла в таком же ключе самого глубокомысленного парения Долгова над вершинами и пропастями бытия советских разведчиков и чекистов...

С тех пор работники Главного управления разведки перестали встречать Долгова. Он исчез. А любопытствовать и спрашивать о местонахождении сотрудников в этом ведомстве не принято, да и просто смертельно опасно. Был Долгов — хорошо! Нет его — тоже правильно... А где он — в Африке, Австралии, на Лубянке, в мати сырой земле?... Не наше дело! Так надо!! Начальство и великий учитель — знают.

Долгов рассказывал, что в окрестностях Москвы, в стороне от других поселений, стояла (да, видимо, и сегодня стоит) дачка-особнячок. Не заурядная, но и не бросающаяся в глаза. Обсаженная стенами кустов, но без забора. Без видимых секретов, да и небольшая. А под нею — обширнейшее подземелье, тюрьма-застенок. Личная, абакумовская! В ней-то и оказался Долгов.

Физически его не истязали, и распорядок был прост:

Днем. Наверху и изредка. В комфортабельной обстановке, за чашкой кофе с коньяком — фехтующие собеседования с Абакумовым. А Абакумов, видите ли, знать не знает и совсем не подозревает об изменении в положении Долгова... Беседы текут в том же, что и прежде, доверительном тоне и спокойном ладе.

Ночами. Внизу и непрерывно. Психологические пытки экстра-класса, изощренный шантаж смертью. К примеру — зачтение смертного приговора с последующим его исполнением из пистолета, с расстояния в 15-20 метров. Пулями, состригающими волосы с головы... Суть пытки в том, что не только Долгов, но и господь-бог не смог бы уразуметь — шантажирование ли здесь, или Долгова действительно "списали" и кончают на самом деле... По словам Долгова, "качели" длились долго, но, надо думать, ему было не до отсчета времени...

Если верить Долгову, то Абакумов махнул в конце концов на него рукой. А Долгов столь искусно вел себя, что не перешел черту, за которой Абакумов мог счесть его свидетелем против себя. Ибо ни тот, ни другой не допустили прямых слов или намеков на враждебность генерала, и ничего в таком смысле признано не было.

А подземелье — было! С этим фактом ничего поделать уже было нельзя. А потому в "команде" КГБ места для Долгова не осталось. В отставку же, на покой, таких молодых да ранних не ~~ихти~~ отчисляют! Не таково секретное ведомство у коммунистов! Долгова отвезли на Лубянку, признали психически больным, и он приехал к нам, на Арсенальную, где его заперли на "закрытом" отделении...

Освободившись в 1954 году, я не знал, освободили ли Долгова, и как именно, и вообще не имел представления о его дальнейшей судьбе. Хотя личность его была столь колоритна, что я не раз думал об этой примечательной семье русских аристократов.

Мне ясно, что они, как и большинство людей их круга, находились в извечной оппозиции русских аристократов к императорской власти, принадлежа к тем дворянам, кои горделиво-фрондически говаривали, что служат не царям, а России. Понятен для меня и переход хорошо осведомленного и имеющего широкий политический кругозор полковника—"момента" под знамя Ленина, в котором он совершенно верно усмотрел главу новой самодержавной государственности, занявшей место царей. Точно так же рассудили ведь и другие полковники — Вацетис и ~~Бухарин~~ С.С.Камнев, да и Брусилов!

Выиграл он от перехода или проиграл — судить трудно. Похоже, ему только-только, с грехом пополам удалось удержаться примерно на той же высоте, что была у его семьи сотни лет. А в общественном положении он, бесспорно, проиграл. Высот Тухачевского, Егорова, Шапошникова, то есть — известности и общепризнанности, он не достиг. А может быть, он и не стремился к ним и просто переживал лихую годину — тянул лямку, скрываясь от всех в недрах секретного ведомства? Кто нам скажет...

Карьера Долгова-младшего в вермахте и КГБ для представителя такой семьи тоже вполне логична и ничуть не странна. И то и другое ему было равно чуждо, а общая культурность позво-

ляла ему с легкостью подстраиваться к любым авторитарным декорациям. И право, служить в Москве у хама Абакумова ему было, конечно, гораздо труднее, чем в вермахте, где царил дух старого кайзеровского дворянства. Уже потому, что чекисты и тот же Абакумов ничуть не заблуждались в оценке Долговых, которые в их глазах и мнении были только полезными орудиями.

Что же касается помещения славного разведчика в тюрьму и в нашу "Арсенальную" психушку — со всеми перипетиями, пережитыми Долговым! — то все рассказанное им столь органично вписывалось в нравы и порядки коммунистического государства и его сталинско-бериевской верхушки, что выглядело вполне убедительно и достоверно. Путь Долгова, разумеется, очень необычен, но, с учетом особенностей его личности и окружающей его среды, я не видел в его жизни ничего исключительного. Он приспосабливался к течению, но не плыл ведь против течения! А потому я стал забывать о нем, и если вспоминал, то лишь потому, что никогда до того не встречал шпионов столь высокого профессионального класса.

Однако прошло несколько лет, и мне снова довелось с ним встретиться. Вернее — с его призрачным образом.

Около 1957 года на книжный рынок был выброшен первый бестселлер, воспевающий подвиги разведчиков-чекистов. По нему тут же сняли кинофильм. Оба — под названием "И один в поле воин...".

Они породили множество модификаций, вариаций, и всегда вызывали бурные эмоции у милитарно-оболваненных обывателей. Достаточно вспомнить триумфальное восхождение на Олимп минувшей войны Штирлица или Вайса ("Щит и меч"). Роман Дольд-Михайлика сегодня заслонен этими высосанными из пальца великанами, но в свое время — в конце пятидесятых годов — и он вызывал ажиотаж у любителей шпионского чтива. Однако по правде шумиха тех лет была гораздо меньше, ибо герой Дольд-Михайлика не сумел втереться ни к Мюллеру с Кальтенбруннером, ни разу не побывал на личном приеме у Гиммлера и не помышлял о проникновении в личную компанию Гитлера или о бесконтрольных поездках во всем странах рейха. Это не составляет никаких трудностей для сегодняшних чудо-разведчиков, подвигающихся на телеэкранах и страницах романов Ю. Семенова, не говоря уж о деше-

веньких книжонках для солдат и юнцов... Дольд-Михайлика не хватало на описание таких заливхват-перехватских подвигов, и потому он писал куда правдоподобнее, в общем, придерживаясь реальных фактов, а воспаряя над ними, он врал не больше, чем в два раза!

Так вот, разговоры и споры вокруг реального бытия описанного и воспетого Дольд-Михайликом советского разведчика побудили меня прочесть роман. Признаться, с первых страниц роман показался мне сплошной выдумкой. Повествование о том, как червоzemный сын рядового колхозника проник и устроился в абвере, было столь лубочно и тягостно, что я думал бросить чтение. Но что-то неясное удержало меня, я продолжал листать страницы, прослеживая фабулу, и с удивлением обнаружил, что читаю нечто уже знакомое мне. А что это такое, я уразумел, когда герой-разведчик собрался перекочевать из Франции в Италию и стал примерять погоны гауптмана (Долгов достиг чина обер-лейтенанта, что для героя чтива, очевидно, маловато!), попутно околпачивая одного из боссов Италии и сводя с ума его красавицу-дочку... Короче говоря, я обнаружил, что в романе весьма точно воспроизведен маршрут Долгова, да есть и упоминания о некоторых его действительных акциях на советско-германском фронте!

Но — боже мой! — в каком кривом и уродливо-увеличительном зеркале отразилась реальная деятельность разведчика. Как неузнаваемо и часто карикатурно преобразился в романе сам Долгов!! Слава богу — Дольд-Михайлик вывел его под другой фамилий, наделив его душой непорочной чистоты и всеми внешними атрибутами Кузнецова, а вернее — зачатками качеств и подвигов Штирлица и Вайса. До этих — героем Дольд-Михайлика было, конечно, далековато, но реальный Долгов совсем исчез под сенью развесистой клюквы...

Такая трансформация действительности неминуема, видимо, в жанре такого чтива. Но зачем — в таком случае — брать реального человека и вго действия? Тут уж — очевидно — дело не в жанре, а в самой сути транскрипции действительности методом социалистического реализма, закономерно пришедшего к Штирлицам! Дольд-Михайлик не включил в маршрут Долгова Ставку Гитлера, не дерзнул или не додумался до такого беспардонного подвига. И на том спасибо! Может быть, именно поэтому у нас есть

улица его имени, но нет улицы, носящей имя Ю.Семенова...
А ведь будет! Обязательно и посмертно.

Искажение действительности и реального человека до полной неузнаваемости произвело на меня тягостное впечатление, ибо мне было ясно, что никакой иной "правды" о Долгове в коммунистической литературе никогда не всплывет.

Прочтя роман, я решил, что Долгов вышел на свободу, и Дольд-Михайлик пришел к своему роману через знакомство с ним. Но в романе его вывели под чужим именем, и это показалось мне странно. К чему скрывать имя славного и давно рассекреченного чекиста? Тогда я пришел к выводу, что освобожденный Долгов не был реабилитирован, что его не вернули в разведку, а тем паче — в ее Главное управление. Его, думал я, "списали", и потому — то разрешили написать роман на почве событий его жизни разведчика.

Сейчас я не думаю так. Люди, подобные Долгову, и в таком ведомстве коммунистического государства являются служебными орудиями, и только. Коммунистам они нужны только до тех пор, пока функционируют в качестве таковых. Не дольше того!

А когда они оказываются сопричастны к тайнам вождей коммунистического государства, указанное правило действует и при Абакумове, и при любом из преемников его должности...

Тут приходится провести аналогию со служебными собаками. Ими, как известно, очень дорожат... пока они служат. А как только они утрачивают эту способность — самая породистая и самая заслуженная собака разделяет судьбу самой последней и никудышной, то есть — вступает на живодерню!

Долгов был удостоен четырех высших наград коммунистического государства, но он слишком много знал того, что не подлежит огласке в коммунистической деспотии при любых ее вождях... Не думаю, чтобы он был жив сегодня! Может быть, именно поэтому и даже в романе его вывели под чужим именем, а Дольд-Михайлик писал, видимо, только по предоставленным ему КГБ документам и в предписанных ему рамках... Кто знает!.. Судьба шпиона — быть неизвестным при жизни. А почти всем — и после смерти. Исключения из правила редки.

Заочной встречей мое знакомство с Долговым не окончилось.

В 1958 году меня снова закатали на Арсенальную.

Начальница отделения — старая чекистка в звании полковника — вызвала меня для ознакомления, поговорила, а листая мое досье, обнаружила, что на Арсенальной я во второй раз. Контингент заключенных сталинских времен ей, надо думать, был памятен. Хотя бы из-за весны 1953 года, когда все чекисты пугались собственной тени... Она спросила, кого из заключенных того времени я знал. Назвав ряд имен, я упомянул и Долгова. Она спокойно слушала, но когда я назвал его фамилию — восторженно вскрикнула (видимо, она частенько вспоминала его и думала о нем) и прервала меня вопросом:

Вы знали его?!

Получив утвердительный ответ, она уже с прямым и нескрываемым интересом спросила:

— Что он говорил о причине своего ареста?

Поскольку о Долгове был уже написан, опубликован и получил широкую известность роман и поставлен кинофильм, а от Абакумова не осталось ни могилы, ни праха, — и изложил версию Долгова.

Слушала она внимательнейше, но когда — исчерпав тему отношений Долгова с Абакумовым — я дошел до Лубянки — фыркнула, как кошка, и досадливо-злобно бросила реплику:

— Ерунда!

Удивленный, я в свою очередь с живейшим интересом спросил:

— Так за что же его посадили?

Она ответила, смотря мимо меня с мрачной задумчивостью, словно отвечала не мне, а самой себе. Ответила мрачно, веско, с оттенком глубокого нескрываемого презрения:

— Двойная работа!..

Такова последняя информация о Долгове, полученная мною. С тех пор ничего нового до меня не доходило, а последние двадцать лет я вообще не слышал о нем ничего.

Версия полковницы явно восходит к Абакумову. А Абакумов — субъект всем известный, памятный всему советскому народу... На слове верить таким никак нельзя. Это — так.

И все же, достаточно ли этого для того, чтобы считать версию двойной игрой Долгова ложной?

Говоря по совести — судить в данном случае трудно.

Ведь с другой стороны — можно ли верить Долгову, шпио-

ну-профессионалу самого высокого класса и опыта?

Лично у меня есть мнение о нем. Но основывается оно не на объективных фактах, а на глубоко субъективном, чисто личном и только чувственном ощущении. Тем не менее оно так глубоко сидит во мне и столь твердо, что его вряд ли можно поколебать какими-либо доводами.

Это ощущение возникло тогда, когда я стоял около Долгова, рядом с ним. Откуда и почему оно возникло, я ответить определенно вряд ли смогу, но ощущение было сильнейшее, чисто физическое — словно рядом со мной было что-то большое, застыло-холодное, совсем бездушное и смертельно опасное — подобное громадной гюрзе (которая — единственная из наших змей — может сама напасть на человека, притом — совсем неожиданно и без повода с его стороны!). Чувство тем более странное, что к Долгову я никогда не имел ни малейшего отношения, а в вопросах политической морали — отнюдь не схоласт и не педант!

Почему возникало все-таки такое ощущение?

Проверяя себя на предвзятость, я думаю, что в конечном счете причина не во мне, а в Долгове, в нем самом. Похоже — она в той печати, какую кладет на личность профессия шпиона и провокатора. Вся суть, видимо, как раз в этом.

Но не только! Мое ощущение шло гораздо дальше, и для меня совершенно несомненно, что люди, подобные Долгову, — как бы высоко ни было их воспитание, культура, эстетические взгляды и вкус — аморальны и являются законченными эгоцентристами, бездушными рационалистами и бессердечными, замкнутыми на себя, прагматиками. Альфа и омега для них — их личный интерес и ничто иное. Я склонен полагать, что если по их расчету им потребуется убить отца, мать, ребенка, они совершенно хладнокровно убьют...

Кто и что сделали его таким, я судить точно не могу, но вряд ли ошибаюсь в своем мнении в оценке его.

Вот почему для меня обе версии — равновероятны.

А потому на вопрос о подлинной причине крушения Долгова могу сказать, что, по-моему, обе версии равнодостоверны: и то, и другое вполне могло иметь место и притом — одновременно.

При всей своей субъективности такой вывод ~~никуда не годится~~

заставлял меня думать о причинах, по которой Долгова вернули в Советский Союз, оборвав его карьеру разведчика совершенно неожиданно и на самом ее взлете.

Ведь яснее-ясного то, что разведчика такого класса и возможностей без самой серьезнейшей причины с выгоднейшей позиции не снимают, на скаку не спешивают. А разгром Германии создал для советского агента, внедренного в абвер, совершенно исключительную по благоприятности возможность без всякого труда и наверняка внедриться и в службу Гелена, и в спецслужбы США, Англии, Франции.

Но Долгова почему-то отзввали, и он ошазался в Москве! Этот факт более чем странен и требует выяснения причины. Тем более, что Долгову было всего-навсего 22 года. Будь у Долгова провал или засветка — ему не было бы нужды молчать после возвращения, то есть — рассекречивания. А он почему-то упорнейше молчал именно об этом... Получается, что причина возвращения находилась вове не по ту сторону фронта тайной войны, а в самом Долгове и в его начальниках.

Не может быть никакого сомнения и в том, что сам Долгов отнюдь не рвался назад, в Москву, пред светлые очи таких боссов и хамов, как Абакумов, Берия, Сталин...

Выходит — Долгова вернули руководители советской разведки по своим соображениям и независимо от возможности продолжения его деятельности шпиона. И весь вопрос, следовательно — были ли у них к тому основания, и какие именно?? Или нет.

Насколько можно судить — основания были, и самые серьезные.

Дело даже не в двойной игре. Такое допущение здесь явно неуместно. Имейся такое подозрение и будь оно мало-мальски основательно — Долгова уничтожили бы без всяких разговоров. Долгов-то был способен и вполне мог вести и двойную, и тройную игру, но следует считать, что сомнений в нем у Москвы, у Абакумова не было. Факт его работы в Главном разведывательном управлении — несомненен, что и является неоспоримым доказательством.

С точки зрения руководства советской разведкой, как я ее себе представляю, люди, подобные Долгову, вполне могли быть использованы — при условии проверки и контроля — во время войны против Германии. В общем, с ~~этим~~ такой точки

зрения, они были крайне ненадежны, но в указанном случае на них можно было полагаться. Вековая традиция офицеров России, семейное прошлое Долгова, историческое прошлое нашей страны являлись более или менее надежной гарантией его верности на этапе внедрения, а затем сама его работа становилась такой порукой.

Разгром Германии решительно изменил обстановку и взгляд на Долгова.

Спросим себя: могли ли руководители советской разведки продолжать считать Долгова надежным в условиях его контактирования с западными демократиями, включая Британскую монархию? В условиях не войны, а мира? Мог ли Долгов, по их мнению, оставаться верным орудием в руках коммунистов?

То-то и оно, что для Сталина, Берии, Абакумова такое было заведомо исключено.

Даже немецкие аристократы ненавидели Гитлера и СС. А уж настоящим русским аристократам — сам Бог велел делать то же, что делали даже в Германии Шульце-Бойзен, Штауфенберг, Вицлебен. И потому чекисты использовали Долгова.

Западные демократии — дело совсем иное, и потому Долгова не следовало вводить в соблазн. Его отозвали.

Так что — вел ли Долгов двойную игру, или не успел ее начать — в данном случае совсем неважно; общая установка всей советской системы всецело определила новое понимание и критерии для советской разведки, а личность Долгова — с ее особенностями и качествами — оказалась тем самым сброшенной со счета действующей агентуры.

Именно так, по-моему, его вернули в Москву, оборвав столь удачно начатую карьеру международного шпиона. Иного решения у чекистского руководства, по моему ~~хитрому~~ глубокому убеждению, никак не могло быть.

Таково мое мнение. А насколько оно верно — судить не мне, а читателю.